

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА
О
ТОЛСТОМ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА — 1928

4722
ПЛЕХАНОВ и ТОЛСТОЙ

Приготовил к печати
С. М. БРЕЙТБУРГ
Редакция и вступительная
статья И. М. НУСИНОВА

Дома Плеханова
№ 2367

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА — 1928

ПЛЕХАНОВ и ТОЛСТОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

[Цифры в скобках обозначают страницы книги]

Л. Н. ТОЛСТОЙ и Г. В. ПЛЕХАНОВ [вступительная статья И. М. Нусинова] [7—16]

Г. В. ПЛЕХАНОВ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- √ I. Статьи Толстой и природа [19]
[19—150]   Заметки публициста. „Отсюда и до сюда“ [25]
- √ Смещение представлений. [Учение Л. Н. Толстого] [39]
Карл Маркс и Лев Толстой [69]
Еще о Толстом [97]
- II. Фрагменты [120]
- III. Из мемуаров [149]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [153—176]

- √ I. Комментарии [153]
√ II. Указатели [170]

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Типография и офсет-печатня
издательства

„КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“

Москва, Сушевская, 21

Главлит № А - 20405

Тираж 2.000

Дог. 8919

ИКА 328

Л. Н. ТОЛСТОЙ и Г. В. ПЛЕХАНОВ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

I

При жизни Л. Н. Толстого Г. В. Плеханов почти не писал о нем.

На первый взгляд это может показаться непонятным. Как это Плеханов, который охотно писал о литературе, не счел необходимым высказаться о своем величайшем современнике? И еще больше — как это Плеханов, так легко всегда бросавшийся на борьбу с идеалистической мыслью, не счел нужным счестся с толстовством?

Ответ на эти недоумения надо искать в условиях и характере творчества Плеханова. Начиная с первых своих больших работ — „Наши разногласия“, „К развитию монистического взгляда на историю“, — Г. В. Плеханов всегда боролся за марксизм, полемизируя с очередными выступлениями немарксистских писателей, наиболее в данную минуту вредных, по его мнению, для развития революционного движения, для торжества марксистской мысли. То же в отношении художественной литературы. Г. В. Плеханов не был историком литературы, который считает своей задачей дать оценку всех наиболее крупных явлений мировой или национальной литературы. Он и не был литературным критиком, который считает нужным

отзываться на все более или менее значительные литературные новинки. Он и здесь был воинствующим материалистом, марксистом, который всегда стоит на посту и бросается на защиту или подвергает обстрелу книгу, которая кажется ему сейчас наиболее полезной или вредной делу революции.

В восьмидесятых и девяностых годах, да и вообще до революции 1905 года, Плеханов считал своей основной задачей борьбу с народниками в философии, социологии и политике, с народнической мыслью в художественной литературе. Чем ближе к революции 1905 года и затем в годы реакции он, продолжая свою борьбу с народнической мыслью, увидел перед собою другого врага: ревизионистов всяких толков, начиная Эдуардом Бернштейном и „легальными марксистами“ и кончая эмпириомонистами, богдановцами.

Здесь, на большой дороге русской мысли XIX века, где борьба шла между народничеством и марксизмом, между марксизмом и ушедшими через каналы „легального марксизма“ обратно к идеализму Струве, Бердяевыми и Булгаковыми, и, наконец, между революционным марксизмом и эклектическими ревизионистами всяких толков, — Плеханов пребывал стражем воинствующего материализма. Основную опасность для революционного движения он видел, справедливо видел, в народниках, в эсерах, в буржуазных идеалистах и в ревизионистах-эклектиках. С точки зрения влияния на революционное студенчество, на рабочие массы имела особое значение борьба с ними, а не с Толстым. Борьба с указанными течениями была первоочередной. Занятый ею, Плеханов не мог уделить должного внимания борьбе с толстовскими взглядами. Надо помнить, что толстовское учение влияло своей специфической несопротивленской установкой на интеллигенцию 80-х годов. Тогда, в годы реакции, оно было фактором, содействовавшим общественной пассивности интеллигенции.

Девяностые годы, когда Плеханов стал одной из центральных фигур русской общественной мысли, были

годами общественного подъема. Сейчас проповедь непротивленства определенно заглушалась песней „о безумстве храбрых“, призывами: „пусть сильнее грянет буря“.

Сейчас все больший и больший отклик находила не положительная сторона учения Толстого, не его догмат непротивления, а, наоборот, его критика социального неравенства, государства, армии, суда, церкви. Эта критика объективно была в ту пору водой на мельницу борющихся с самодержавием. Не было тогда особой нужды Плеханову специально заниматься критикой слабых сторон Л. Н. Толстого. Тем более, что этим, именно, благодаря тому, что шло нарастание общественной активности, — занимались и народники.

В. Г. Короленко, полемизируя с непротивленством Л. Н. Толстого, написал свое „Сказание о Флоре“, где он развивал свой тезис: меч — не зло и не добро. Он становится добром или злом в зависимости от того, пользуются ли им для угнетения или для защиты угнетателя.

Эту же мысль развивал в своих высказываниях о Толстом и идеолог народников Н. К. Михайловский, за что Плеханов, обычно никогда не упускавший случая чтоб огрызнуться по его адресу, счел, однако, необходимым вспомнить его добрым словом, когда он в 1910 г. писал свою статью „Отсюда и досюда“.

Вот эти факты: необходимость борьбы с наиболее опасными по своему идейному влиянию врагами, падение влияния идей непротивления Л. Н. Толстого и объективное значение его критики царизма как революционизирующего фактора привели к тому, что Плеханов специальной критикой Л. Н. Толстого и толстовства не занимался.

Иное было положение в дни смерти Л. Н. Толстого. То было время реакции. Отход интеллигенции от активной общественности, ее богоискательство, ее покаянные настроения, — все это было как нельзя лучшим удобрием для прорастания плодов толстовского

непротивленства и толстовского мистического христианствования.

Высказаться о Толстом и его учении для ортодоксального марксиста стало действительно необходимым, когда толстовские покаянные настроения начали захватывать и круги, мнившие себя марксистскими.

Поэтому, как и для В. И. Ленина, поводом для большинства высказываний Плеханова о Толстом послужили статьи, опубликованные после смерти Толстого некоторыми публицистами, которые считали себя социалистами марксистами, но которые в оценке Толстого обнаружили, как мало было у них оснований считать себя таковыми. Следует помнить, что в политическом отношении картина переоценки Толстого получилась чрезвычайно определенная. Каясь перед Толстым за прошлые грехи, за недооценку его учения, за то, что не заметили, как „Толстой впервые объективизировал чисто человеческую религию“ (Базаров), прокламировали свою любовь ко всему Толстому (Нотинцилус), объявляли, что „с Толстым радостно, без Толстого страшно жить“ (Володин), утверждали, что слово Толстого — слово грядущего человечества (П. Ш.) — явные ликвидаторы и те социалистические публицисты из „Киевской мысли“, которые были чрезвычайно близки к ликвидаторам.

Не могло быть речи о случайном совпадении. То было явление вполне закономерное. Ликвидаторы в области политики, ликвидаторы в практике — не могли не стать ликвидаторами в области философии, ликвидаторами в теории.

Тем насущнее было необходимо оказать сопротивление этим социалистическим ревизионистам в отношении Л. Н. Толстого.

Вслед за В. И. Лениным в борьбу против ликвидаторских переоценщиков учения Толстого выступил Г. В. Плеханов.

И именно потому, что выступления о Толстом были продиктованы необходимостью борьбы с идеологическим капитулянтством, Плеханов, как и Ленин, уделяет главное

свое внимание учению Толстого, толстовству, а не художественным его произведениям, хотя Г. В. Плеханов, как и В. И. Ленин, высоко ценил Толстого-художника. О Л. Н. Толстом-художнике Плеханов высказывается лишь между прочим, констатируя его высокие качества, намечая лишь в самых общих чертах его социальный источник и не вдаваясь ни в анализ его художественного творчества, ни в более углубленное исследование социального эквивалента этого творчества.

II

Ценность статей В. И. Ленина о Толстом была раньше всего в том, что он выяснил социально-исторический генезис творчества и учения Л. Н. Толстого и, уже исходя из него, показал достоинства и недостатки Толстого, выяснил отношение Толстого и к Толстому основных движущих сил русской революции: крестьянства и пролетариата. Разработав в своей первой статье тему: „Толстой как зеркало русской революции“, В. И. Ленин с этой позиции впоследствии и обстреливал ликвидаторов.

В. Г. Плеханов — может быть потому что он писал когда некоторые основные работы Ленина о Толстом уже были опубликованы — почти не ставил перед собой вопроса о социальном генезисе творчества Толстого. Он ограничивался общими указаниями вроде того, что в эпоху создания романа „Война и мир“ Л. Н. Толстой „был художественным бытописателем высшего сословия“ („Еще о Толстом“) и что „в начале 80-х годов наш великий писатель вышел из того гипнотического состояния, в которое он попал под влиянием окружавшей его общественной среды и находясь в котором он выступил в нашей литературе как художественный бытописатель высшего сословия“ (там же).

Г. В. Плеханов почти и не ставит перед собой вопроса о том, благодаря каким социально-общественным причинам Толстому удалось в начале 80-х годов освободиться от гипноза среды, хотя до того времени этот гипноз был

так силен, что под его влиянием Толстой „с эпическим спокойствием сообщает, что сосед Ростовых Илагин отдал за свою краснопегую собаку Ерзу три семьи дворовых“.

Г. В. Плеханов ограничивается общим указанием, что эволюция Толстого—результат не того, что Толстой раньше был злым человеком, а после стал хорошим. Эта эволюция общественно обусловлена. Плеханов однако не выясняет, в чем состояла эта общественная обусловленность.

Г. В. Плеханов в основном ставит перед собой три задачи:

Доказать несовместимость идей Л. Н. Толстого с идеями Маркса.

Показать, как относились к Толстому идеологи высших классов и как должны к нему относиться идеологи трудящихся.

Вскрыть несостоятельность Толстого как мыслителя.

Приведя своего читателя к выводу, что „чем религиознее было миросозерцание Толстого, тем менее было совместимо оно с миросозерцанием социалистического пролетариата“ („Карл Маркс и Лев Толстой“), Плеханов обрушивается со всей силой своего полемического дарования на тех „честных и образованных“, а главное, „добрых“ людей, которые одновременно одинаково сочувствуют теперь у нас Сазонову, который убил Плеве, и графу Толстому, который упорно твердил: „не противься злу насильем“. Он так решительно громит и издевается над эклектиками, потому что эта болезнь стала особенно опасной в условиях, когда „одни стремятся дополнить Маркса Кантом, Махом, Бергсоном“, а другие — Толстым.

Тема „Карл Маркс и Лев Толстой“ таким образом взята не сама по себе, а именно в целях преодоления увлечения всех Потресовых и Неведомских Толстым за его „абсолютную последовательность“, хотя эта „абсолютная последовательность“ метафизика, между тем как для марксиста обязательна не метафизическая, а диалектическая последовательность.

Сокрушению увлечения Толстым некоторыми социалистами, вскрыванию ревизионистской, ликвидаторской сущности этих социалистов и служит выяснение того, как идеологи различных классов относятся к учению Толстого.

Нашлись такие социалисты, которые утверждали, что только реакционеры любят Толстого лишь „отсюда и досюда“, а не-реакционеры „просто любят Толстого“, любят всего Толстого, потому что „с Толстым радостно, без Толстого страшно жить“.

Таким социалистам Плеханов доказывает, что, во-первых, как раз с Толстым, „с Толстым-мыслителем было страшно жить, если бы мы могли жить с Толстым-мыслителем, чего на самом деле нет“. Страшно потому, что Толстой советует: лучше принять смерть от укусов бешеной собаки, чем убить эту бешеную собаку. Невозможно потому, что „смерть бешеной собаки, несомненно, меньшее зло, чем смерть человека, и всякий здравомыслящий человек должен непременно сказать: из двух зол непременно следует выбирать меньшее“.

Затем „просто любят“ Толстого лишь „идеологи высших классов, т. е. те, которые сами готовы удовольствоваться отрицательной проповедью и которые, не имея широких общественных интересов, стремятся наполнить свою душевную пустоту разными религиозными исканиями“. Но не могут просто любить Толстого идеологи пролетариата. „«Отсюда и досюда» любят Толстого те сознательные представители трудящегося населения (читай: революционные марксисты. Иносказание было необходимо для русской цензуры. И. Н.), которые не довольствуются отрицательной нравственностью и которые не имеют никакой нужды мучительно доискиваться смысла своей жизни, так как они давно уже «радостно» нашли его - в движении к великой общественной цели“ (читай: „К социализму“. И. Н.).

Установив социальные корни различного отношения к Толстому, Плеханов тем самым утверждает свой основной тезис, что приятие всего Толстого обозначает

отход от марксизма и от революции. К зову эклектиков „преклониться перед величием нравственной проповеди Толстого пролетариат должен отнести со строгим осуждением“.

Плеханов, как уже было указано, однако, меньше всего занимается в своих статьях выявлением социального генезиса учения Толстого; основной для него поэтому становится третья из перечисленных нами задач: показать, что Толстой был „крайне слабым мыслителем“.

Плеханов не столько был занят доказательством того, что Толстой был чужой для пролетариата мыслитель, а тем более, чей мыслитель Толстой был, сколько тем, чтоб доказать, что Толстой был „плохой мыслитель“.

В наши дни мы можем иной раз ограничиться выяснением, что данный писатель или мыслитель дворянский или буржуазный. Убедить в этом читателя — значит уничтожить или во всяком случае уменьшить влияние этого писателя.

Но и мы иной раз грешим тем, что слишком полагаемся на прием выяснения социального генезиса противника, не уделяя достаточного внимания самим возражениям, непосредственной критике, критике нашего противника. Мы забываем завет Плеханова, что „кто хочет уничтожить реакционного во мнении мыслящих людей, тот должен опровергнуть теоретическую часть его учения. Только после опровержения этой части он имеет право указать на то практическое стремление или на то влияние общественной среды, которое побудило мыслителя исказить истину или помешало думать до нее“. („Под знаменем марксизма“, № 5, 1928, стр. 6).

Плеханов в свое время никак не мог ограничиться лишь вскрыванием социального эквивалента своего противника. Читатель, на которого Плеханов стремился влиять, находился под влиянием буржуазной прессы, идеалистической прессы, под влиянием писаний тех

самых ликвидаторов и социалистических эклектиков, которые вынудили Плеханова выступить со своими статьями о Толстом. При таких условиях было особенно важно доказать читателю, что гениальный художник Толстой был „слабым мыслителем“, что „его огромный ум до такой степени“ ушел в талант, „в творческую фантазию, что в роли мыслителя граф Толстой везде обнаруживает почти ребяческую беспомощность“.

И Плеханов с блеском и неотразимостью, на которую был способен в лучшие минуты этот диалектический ум, вскрывает бесконечные противоречия учения Толстого, его бесперывное „смешение понятий“.

Откуда следовало это „смешение понятий“? Оно — из „неумения Толстого понять диалектику жизни, что привело его к совершенно несостоятельному в теории противопоставлению «вечного» «временному», «духа» «телу», а это противопоставление толкнуло его в лабиринт практических противоречий, крайне тяжело отражавшихся на его нравственном состоянии“.

Здесь речь не об учении Толстого о нравственности, а об его нравственном состоянии. И по этому вопросу Плеханов ограничивается указанием на то, что Толстой „не сам опустошил свою душу, ее опустошила окружающая обстановка, — в этом все дело“.

Но констатируя, что „в этом все дело“, Плеханов занят выяснением состояния Толстого. Основной его вывод: корни веры Толстого, его нравственности — в его индивидуализме.

Отсюда его непомерный страх смерти, его поиски бога, который гарантировал бы ему бессмертие. Индивидуализм Толстого — индивидуализм „большого барина“, каким он до конца жизни остался.

Над ним, над „большим баринком“, „мысль о народном счастье и о народной доле не имела силы, ее отгонял равнодушный вопрос: «а мне что за дело?»“ (см. „Исповедь“ Толстого).

Поэтому, объясняет Плеханов, он „был и остался в стороне от нашего освободительного движения. И вот почему

люди, сочувствующие этому движению, не понимают или самих себя, или Толстого, когда называют его «учителем жизни».

Так критика Толстого как „крайне слабого мыслителя“ находит свое дополнение в том, что Толстой потому был „крайне слабым мыслителем“, что его учение было результатом кризиса „великого ба-рина“.

И в дни юбилея, когда торжественность момента может толкать многих в сторону проповеди „просто любить Толстого“, эту плехановскую критику Толстого, как крайне слабого мыслителя, будет особенно полезно вспомнить.

И. НУСИНОВ